

ГЛАВА 1

ОПАЛЬНЫЙ

Товарищ министра внутренних дел Золотарев вызвал к себе директора Департамента полиции Белецкого и чиновника особых поручений Лыкова. Подчиненных он встретил насупленно:

— Опять у вас безобразия? Сколько так будет продолжаться?

— Где на этот раз вы их обнаружили? — с легкой иронией уточнил Белецкий.

— Да прямо у вас под носом, в столице. Вот!

И товарищ министра протянул директору лист бумаги. Лыков узнал сводку происшествий по Петербургу, которую градоначальство ежедневно присылало на Фонтанку. Один абзац в ней был отчеркнут синим карандашом. Именно так накладывал резолюции министр внутренних дел тайный советник Макаров.

— Ну-ка... — сыщик отобрал у начальства бумагу и прочитал вслух: — «Отмечено ограбление казенной винной лавки напротив Ириновского вокзала, уже четвертое с начала июня». Что, Департамент полиции должен теперь дознавать погромы винных лавок? Игнатий Михайлович, поясните, пожалуйста.

Лыков третью неделю как восстановился на службе. В начале 1912 года он угодил по ложному обвинению в Литовский тюремный замок. Друзья сумели доказать его невиновность лишь к лету. Ошельмованный сыщик вернул себе дворянство, чин и ордена, а вот прежнее место ему пришлось отвоевывать. Министр всячески препятствовал этому. Макаров взъелся на Лыкова непонятно за что, упек его в кутузку, а потом пытался третировать. В конце концов все наладилось. Статский советник не показывался тайному на глаза, а масштаб его поручений уменьшился. Прошли те времена, когда Алексей Николаевич выполнял высочайшие повеления или приказы председателя правительства. Сейчас высшей для него инстанцией стал бесцветный Золотарев, курирующий вопросы полиции через пень-колоду... Ну и черт с ними, небожителями, решил Лыков. Когда надо, в верхах бывал директор департамента и передавал потом задания для исполнения вниз. Но вот пресечь грабежи казенных винных лавок — это уже чересчур.

Белецкий тоже обиделся — и за свое ведомство, и за подчиненного:

— Да, Игнатий Михайлович, как же так? Градоначальство на что? Мы все же Департамент полиции, а не Охтенский полицейский участок!

Золотарев смутился, но пересилил себя и опять напустил строгость:

— Приказ Александра Александровича♦: помочь, бросив все другие дела. У вас, Степан Петрович, есть же в подчинении умелые люди, опытные сыщики... Или нет? Вы утверждали, что имеются.

Белецкий фыркнул:

♦ Макаров Александр Александрович — министр внутренних дел. (Здесь и далее — примеч. автора.)

— Самый опытный перед вами, Алексей Николаевич Лыков. Только к лицу ли нам палить по воробьям из полевой гаубицы? Много чести.

— Приказы начальства обсуждать — последнее дело, — нравоучительно парировал товарищ министра. — Потому мы этим заниматься не станем. А пойдем их выполнять. Ясно?

Департаментские повесили головы. Макаров, мелочная душа, вымещал злобу на подчиненных. Но формально он имел право раздавать им любые поручения, даже такие дурацкие. Приходилось мириться.

— Разрешите уточнить, ваше превосходительство, что именно поручено вверенному мне департаменту? — перешел на официальный тон Белецкий.

— Оказать содействие полиции градоначальства в поиске и ликвидации грабителей винных лавок. Казне нанесен значительный ущерб. Три, что ли, тысячи... Филиппов♦ не справляется. Сейчас конец июля, полтора месяца идут погромы, результатов нет. Мы Петербург! Тут муха не должна пролететь без ведома властей. А у них четыре ограбления подряд.

♦ *Филиппов Владимир Гаврилович* — начальник Петербургской сыскной полиции (ПСП).

— А что на это сказал Даниил Васильевич? — задал резонный вопрос Лыков. Дело в том, что министр не мог просто так взять и послать Департамент полиции подпереть столичных сыщиков. У тех был свой атаман, градоначальник Драчевский. Даниил Васильевич являлся человеком честолюбивым и не терпел вмешательства посторонних в свои дела.

— Министр ему телефонировал и заручился согласием, — пояснил Золотарев. — Так что... начинайте. Вы свободны.

Полицейские вышли из кабинета и некоторое время молчали. Кругом уши, мало ли что. Лишь когда они оказались в огромном кабинете Белецкого, тот смачно выругался. Потребовав чаю, Степан Петрович не без смущения заявил статскому советнику:

— Деваться некуда, идите на Офицерскую и разберитесь. Четыре нападения за полтора месяца — и впрямь многовато. Чего Филиппов тянет? Вдруг ему действительно нужна ваша помощь?

— Владимиру Гавриловичу? — усмехнулся Лыков. — Кому угодно, только не ему. Он еще нас с вами поучит жуликов ловить.

Директор молча смотрел в стакан. Алексей Николаевич так же молча кивнул и отправился к себе. Из кабинета он связался через телефон с начальником ПСП и начал было ему объяснять, что им надо увидеться. Однако тот перебил собеседника:

— Я уже в курсе. Если есть время, приходите прямо сейчас.

Вскоре два сыщика распивали чай и перемывали кости министру. Чин градоначальства сообщил департаментскому, как все вышло. Оказалось, что Макаров перехватил Драчевского где-то на улице и попросил «занять хоть чем-нибудь этого бездельника». Лыков-де явился обратно на службу против его воли и теперь сидит сиднем. Получает огромное жалованье, сам ничем не занимается, играет фронду и распускает про шефа грязные сплетни. Драчевский, по словам Владимира Гавриловича, высказал удивление. Он знает Лыкова не первый год, и тот представляется градоначальнику умным, опытным и порядочным. На что министр заявил: вот и забирайте такого порядочного себе, а мне он не

нужен... На ходу сановники сочинили повод, а именно грабежи казенных винных лавок. После этого генерал позвонил Филиппову, извинился, что не сумел сдержать министерского напора, и попросил тактично разъяснить все Алексею Николаевичу. Навязчивую просьбу «честного нотариуса»♦ придется выполнить. Если получится у статского советника чем-то помочь ПСП, он, Даниил Васильич, будет признателен. А так... чего обижаться на дурака. Макаровым в Царском Селе недовольны, его рано или поздно турнут с должности, и все наладится.

♦ «Честный нотариус» — прозвище Макарова в правительственных кругах.

Лыкову было неприятно слушать, какие гадости говорят о нем собственное начальство. Но что поделаешь? Сыщик служил в столице уже больше тридцати лет. В кругах правоохранителей его репутация стояла высоко. Умные люди знали цену макаровским инсинуациям, знали и их подоплеку. Оставалось терпеть и ждать, пока нотариуса отправят в Госсовет.

— Владимир Гаврилович, что там на самом деле с нападениями? Уже четвертое. Почему вы их не завинтили до сих пор?

— Да вот-вот завинтим. Ребята не простые фартовые, а с политическими запросами. Мы и валандались с непривычки. Пришлось втянуть охранное отделение.

— Грабят винные лавки под видом борьбы за свободу? Анархисты, что ли?

— Они самые, Алексей Николаевич.

И Филиппов рассказал коллеге о ходе дознания.

Первое нападение случилось 3 июня, когда Лыков еще состоял под судом и ждал оправдания. Восемь человек ворвались в лавку на Большой Белозерской улице под вечер, когда сиделец подсчитывал выручку. Дали рукояткой нагана по голове, выхватили кассу и ушли

вразвалку. Потерпевший никаких примет вспомнить не смог. Сказал, что ребята вели себя нагло. Орудовали не спеша, без стеснения, захватили с собой дюжину бутылок с красной головкой. Денег взяли триста сорок шесть рублей.

Сыскная сначала не обратила на этот налет особого внимания. Ну, приказали агентуре наострить уши... Однако уже через неделю наглецы отметились вторично. Они разгромили популярную казенку на углу Арсенальной и Минеральной улиц. Половина пролетариев Выборгской стороны покупала там огненную воду. Держателю лавки сунули в бок нож, его помощнику сломали руку. Опять нападавших было восемь, и опять приметы отсутствовали. Выручка составила тысячу с лишним рублей, и градоначальник осерчал. За бандитов взялись всерьез. Сыскные надзиратели прошлись по притонам правого берега Невы. Трясли шпанку как следует, но выяснили лишь одно: громилы были не из фартовых. Прикатили откуда-то со стороны, с местным отребьем не общались. В пивной «Мюнхен» их несколько раз видел осведомитель. Восемь мужиков, развязные. Пили крепко и говорили про народное счастье. Называли себя анархистами-синдикалистами, а рожи такие, что оторопь берет. База у идейных грабителей находилась за городом. В разговорах упоминались деревни Сосновка и Гражданка. Сыщики ринулись туда — и обмишурились. Похоже, ребята были не столь глупы и нарочно дали ложный след. Розыски окончились впустую, а тем временем состоялось третье ограбление. Разбили лавку № 217, что возле Строгановского сада. Стоявший у двери рабочий авиационной мастерской Русско-Балтийского вагонного завода по-

пытался помешать грабителям. Его застрелили в упор. Заодно ранили сидельца с помощником, помощник к утру скончался. Отобрали шестьсот с небольшим рублей денег, снова прихватили водку и ушли в сторону Черной речки.

Два убийства всполошили власти окончательно. Филиппов получил нагоняй и отправился в Петербургское охранное отделение. Начальник ПОО полковник фон Коттен дал ему сведения об анархистах. Оказалось, что таковых в России уже и не осталось! Все, кто не угодил на каторгу, сбежали за границу. И появление восьми боевиков в столице — вещь невозможная. А как же разговоры в пивной «Мюнхен», спросил главный сыщик. Сказано для отвода глаз, ответил главный охранник. Это как с Гражданкой, называется дезинформация. Искать надо в другом месте, а именно в уголовной среде.

Владимир Гаврилович не поверил Михаилу Фридриховичу. И поручил сыскному надзирателю Креневу разузнать все про идейных налетчиков. Кренев, как всегда, оказался на высоте. Он копнул глубоко и чуть ли не составил историю анархизма в России.

Филиппов вынул из стола и протянул Лыкову рапорт подчиненного на семи листах:

— Ознакомьтесь. Я сам зачитался, как Майн Ридом. Помнится, когда мы вытаскивали вас из Литовского замка, меня предупреждал о такой тенденции один из создателей «перекрасочной мастерской» Тольх♦. Он сказал, что уловил новое веяние: блатные стали объединяться с политическими. И это кончится плохо для империи. Я, признаться, не поверил. И вот доказательства. Анархисты, сволочь — чем они лучше бандитов? Но подводят под это идеологию!

♦ См. книгу «Взаперти».

Лыков взял рапорт и стал бегло его читать. Документ и впрямь оказался интересным. И он, и Филиппов, и Кренин были уголовные сыщики и с политическими противниками дел не имели. Но тут сошлись оба фланга, переплелись и объединились. Получилось месиво вполне жутковатое.

Сергей Николаевич Кренин изучил секретные архивы охранки и выяснил историю русского анархизма от Адама и Евы.

Оказалось, что русаки одарили мир двумя теоретиками — Бакуниным и Кропоткиным, но в практике убийств отстали. Повсюду уже резали власть имущих, а одна шестая часть суши спала. Сначала покушения были неудачными: дважды повезло кайзеру Вильгельму Второму и разок итальянскому премьеру Кайроли. Затем в Чикаго одной бомбой погубили сразу шестерых полицейских и восемь вожakov анархизма отправили на виселицу. Террор разгорелся с новой силой к концу столетия. Президент Франции Сади Карно, императрица Австрии Елизавета, первый министр Испании Кановас дель Кастильо, король Италии Умберто Первый, президент Северо-Американских Штатов Мак-Кинли... Самыми страшными для общества оказались безмотивники, готовые казнить всех, кто моет руки перед едой. Наконец зашевелилась и Россия.

Первые кружки появились в стране сравнительно недавно. 29 августа 1904 года в Белостоке состоялся и первый террористический акт анархистов. Нисан Фарбер, вождь организации «Борьба», ударил кинжалом в шею фабриканта Кагана. За то, что тот проявлял неуступчивость к экономическим требованиям своих рабочих. Каган выжил, а сам Фарбер умер спустя два месяца.

6 октября он пытался взорвать полицейский участок в Белостоке, но погиб от своей же бомбы. Однако знамя террора подхватили другие. И началось...

Накануне войны с Японией в стране существовало три устойчивых центра анархизма: Белосток, Одесса и Екатеринослав. Борцы с режимом имели различные оттенки, в которых путались даже специалисты ОЖЖ, Отдельного корпуса жандармов. Синдикалисты, анархокоммунисты, махаевцы, хлебовольцы, чернознаменцы, безначальцы, индивидуалисты, вольные общинники... Все они вскоре так или иначе взялись за оружие. С 1905 года по улицам русских городов обильно полилась кровь...

Безмотивники взорвали бомбы в варшавском ресторане «Бристоль» и перед одесской кофейней Либмана. Их «мотивированные» товарищи пошли еще дальше. Они подняли на воздух полицейский участок в поселке Амур-Нижнеднепровское. Убили начальника Брянского отделения Московско-Казанского ЖПУЖД♦. Уничтожили бомбой часть помещения губернского жандармского управления в Одессе. Там же спустя полгода ограбили на 60 000 отделение Санкт-Петербургского коммерческого банка (в компании с эсерами). В Ростове-на-Дону в частном банке взяли еще больше — 200 000. В Екатеринославе взорвали гостиницу «Франция» и совершили 4 экспроприации (правда, всего на 8321 рубль). На станции Верхнеднепровск Екатерининской железной дороги разгромили почтовое отделение. В Душети Тифлисской губернии напали на казначейство и вынесли аж 250 000. В Бессарабии близ Хотина опять разнесли почту на 80 000. При этом погибло много служивых людей и немало случайных прохожих.

♦ ЖПУЖД — жандармско-полицейское управление железной дороги.

Всего в эти смутные годы анархисты совершили несколько десятков кровавых эксков, часто и охотно пуская в ход оружие.

След, который взял Кренин, появился в 1906 году в Москве. Там боевая группа «Свободная коммуна» совершила двенадцать нападений на рестораны, а также на артельщиков, перевозивших денежные суммы. Прежде чем жандармы разгромили группу, она успела завладеть 55 000 рублей. Большая часть налетчиков отправилась на каторгу, но некоторые уцелели. Отсидевшись где-то, в 1910-м они вновь взялись за старое. Теперь эти люди называли себя «Московской группой анархистов-коммунистов». В ней собралось более сорока боевиков, и охотнее всего они грабили именно казенные винные лавки. Не брезговали и почтово-телеграфными конторами. За полтора года анархокоммунисты совершили десяток эксков в Московской, Костромской и Смоленской губерниях, застрелив при этом семь человек. Вновь их отыскала охранка, но, как и в первый раз, переловила не всех. Восемь самых активных успели исчезнуть из Первопрестольной накануне ликвидации.

Полковник фон Коттен был убежден, что грабители с Выборгской стороны и есть те самые недобитые боевики. Московское охранное отделение сообщило ему сведения, полученные на допросах от схваченных анархистов. Вожаками коммунаров были известные деятели Вильгельм Мишке и Владимир Бармаш. Мишке повесили в ноябре 1906 года. А вот Бармаш сильно заинтересовал Лыкова. Он начинал как эсер и принял участие в знаменитой экспроприации в Московском обществе взаимного кредита, когда было похищено 875 000 рублей. Организовал нападение Владимир Мазурин, ко-

торого Алексей Николаевич безуспешно искал после вооруженного восстания. Мазурин командовал боевиками, расстрелявшими начальника Московской сыскной полиции Войлошникова на глазах у его семьи... Лыков очень хотел свести счеты с негодяем, но его опередили. Вовка оказал при аресте сопротивление полиции и тоже закончил на виселице. А Бармаш отделался всего лишь тремя годами тюрьмы и последующей ссылкой. Весной этого года он вернулся в Москву, вскоре был арестован и снова выслан в Восточную Сибирь. По документам МОО♦, головореза изолировали от общества.

♦ МОО —
Московское
охранное от-
деление.

Итак, оба главаря экспроприаторов вышли из игры: один на время, второй навсегда. Кто же тогда командовал уцелевшими боевиками? Охранники предполагали, что это был третий руководитель бывшей «Свободной коммуны» Евгений Жукевич-Стоша. Отчисленный студент Московского сельскохозяйственного института, он во многом уступал предыдущим главарям и взял на себя первую роль лишь после их смерти. Согласно показаниям арестованных сообщников, Жукевич-Стоша был хитрым, честолюбивым и не забивал себе особо голову теорией анархизма. Любил красивую жизнь, рестораны и дорогие гостиницы. Носил золотые часы и запонки с бриллиантами, купленные на деньги от эксов. По характеру он напоминал хорошо знакомых Лыкову варшавяков, полуполитических-полууголовных ребят с револьверами. Такие легко сходятся с фартовыми. Почерк революционных деятелей тоже весьма походил на приемы обычных бандитов: налететь, пострелять, вместе с деньгами реквизируют водку...

Московское охранное помогло питерским коллегам идентифицировать боевиков. Но оно не знало ответа на